

Юрий Жикитин

Родился в 1992 году. По первому образованию социолог, преподаватель социологии. Также окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. Публиковался в журналах, интернет-изданиях и порталах: «Литературная столица», «Московский базар», «Невский альманах», «Москва», «Литература», «Кольцо А», «Юность», «Формаслов», портале современного искусства «ГУРУ». При поддержке Союза российских писателей в 2019 году в издательстве «Литература» издан сборник рассказов «Кокон». Участник литературных съездов и фестивалей: «Филатов Фест» (2019, 2022), фестиваль им. М. Анищенко (2021, 2023), участник Всероссийского совещания молодых литераторов в Химках. Член Союза российских писателей.

Живёт в Москве.

Те самые интервью — 19

***

— ...Ничего страшного, просто будьте аккуратнее. Руки помыли? На крючке, бежевое. И маску, это самое... Будьте добры. Проходите.

— Дома.

— Одна. Сумку лучше в прихожей — грязь с улицы тащите. Чаю не предлагаю, кружки у меня всего две, а за-
раза ещё гуляет.

— Карантин? Здесь и провела. Получается, апрель, до начала... Середины? Середины мая.

— Даже не знаю. Что-то конкретное? Как и все, наверное. Телевизор, сериалы, кровать. Чего ещё делать-то? Как-то занялась уборкой, выпотрошила гардероб, ящики от барахла освободила и на самой верхней полке нашла коробку с мозаикой: значит, панорама Исторического музея на Красной площади. Вид очень красивый, поздний летний вечер, снято хорошо — людей вообще нет. А на переднем плане подсвеченный постамент с генералом... Жуковым, по-моему. Маршал? Маршал Жуков он? Не помню, откуда у меня этот пазл, с детства их не любила. Глупость какая-то: сидеть, перебирать, время тратить. А тут рамку собрала, генерала на коне, даже пяточок брусчатки, а вот ни сам музей, ни сумерки — ни в какую. Деталей где-то чуть меньше тысячи — ну как это возможно? Получается, только подбором, кусочки же одинаковые, как по цвету ни сортируй — бесполезно. Всё обратно сложила и выкинула, буду ещё время на ерунду тратить.

— Да нормально. Спокойно. Тихо. Я вообще тишину люблю, одиночество. Не из этих, кто по ночам не спит или в гости ездит. Такая, по натуре домоседка. Для меня

вообще дикостью было увидеть статьи «Чем занять себя на самоизоляции» или «10 советов провести вечер». Люди вообще не знают, как оставаться в одиночестве. Знаете, почему так? Потому что сами по себе мелкие и полые, как дудочки, им самим с собой скучно, а собеседники их отвлекают.

— Кто вам сказал?

— Ах, в интернете. Знаете, там и про вас наверняка такого понаписано, только имя и фамилию пробить. Интернет ваш как забор расписанный: кто-то где-то это самое, а вы прочли, подхватили. Тут, значит, ученик один мне хвастался — телевизор он ни разу в жизни не включал. «Даже фоном, — говорит, — не работает». А может быть, наткнулся бы на передачу образовательную, поумнел случайно или на животных посмотрел вместо своих орущих матом идиотов. Да там хотя бы цензура есть! Певцы, актёры, президент наш — порог входа имеется. Хочешь в телевизор — стремись, развивайся, а так любой дурачок наснимает чего попало и своим комбикормом с белым светом делится.

— Да, давайте вернёмся. Я никакая не преподавательница, даже нот не знаю, но работаю в... Извините, вы могли бы не ёрзать? Я пока говорила, вы как на шиле усидеть пытались: скрипите и скрипите — да сколько ж можно? Ну да, отходит, а вы мне её прибить не хотите? Прибьёте, молодой человек? Очень грубо с вашей стороны. Между прочим, они ещё моего дедушку застали, так что вещи, можно сказать, раритетные. Обращаться с ними надо бережно, а не как вы: туда-сюда, туда-сюда. Вот я села и сижу спокойной. Видите? Хотя тут тоже вот... Вы назад не облакачивайтесь, как барин, и скрипеть не будет, в гостях всё-таки.

— Просто разпопросила и снова прошу. Я работаю в музыкальной школе методистом образовательных

программ. Расписания составляю, журналы, планы посещения... Ну такое. Когда сюда шли, видели продмаг на углу? А жёлтое здание с колоннами? Оно самое.

— Преподавателей, кого возможно, перевели на удалёнку ещё до локдауна, лишь мы с завхозом до самого конца ходили. А как же без нас? Весь учебный процесс встал бы — занятия у нас не отменяли.

— Честно? Понятия не имею, кто как провёл. Мы лишь по работе общаемся. Представляете... За пятнадцать... Погодите, две тысячи четвёртый, это я на Шаболовке... За шестнадцать лет ни разу меня кофе не угостили. На концерты ни один из них не позвал! А ещё в преподавательской вот так задерут свои прилизанные головки, плечики в пиджачках расправят — и с придыханием: «У нас с вами... в искусстве...» Почувствовали, да? Я бы посмотрела, какое им «искусство» не после двух-трёх уроков, а девятичасового рабочего дня, когда дома даже сил чего-то приготовить не хватает.

— Осложнения? Какие могут быть... Тише. Слышите? Опять. Опять за своё. Ну что ж ты будешь делать! Позавчера весь день бум-бум-бум до одиннадцати, вчера пыль поднимали — подоконник в земле — и сейчас по башке сверлят. Так, прижмитесь... Эй, Эй! Я сейчас кого-то так кипятком оболую! А ну отошёл от окон, и с дырой своей заканчивайте! Сколько долбить можно, за неделю что угодно пробурили уж! Ну чего вылупился? Здесь люди живут, представляешь? Вырубай шарманку, пока с тобой по-хорошему, и кыш от окон! КЫШ! Кому сказала! Совсем уж совесть потеряли. Так только с ними и надо, иначе вечно тут стучать будут. Уже? Что ж, рада была помочь. А вы что-то исследуете? Журналист? И где прочитать можно будет? Я в этом ничего не понимаю, сперва на эколога училась, но начкаф мне ужасный попался... У вас лямка

зацепилась, давайте... Вот так. Маску внизу снимете. Что ж, всего доброго.

* * *

— ... Днепр форсировал двадцать четыре раза, сто пятьдесят бойцов перевёз, у каждого обмундирования на тридцать килограмм, а перед этим сам разведаль переправу, лично повёл первый понтон с пехотой и вооружением... (Всхлип...) Почти двадцать лет ему на тот момент было, и уже командир сапёрного батальона. Рассказывал, как подплывают к берегу, а по ним немец из укрытий: та-та-та-та-та-та. До берега метров десять ещё, он первым бросается в воду, чтобы за собой увлечь в рукопашную... (Всхлип...) И Сталинградскую и Курскую прошёл, готовил минные поля, наводил мосты. В сорок четвёртом освобождал Румынию, вспоминал, как при наступлении от артиллерийских ударов вырытые в полный рост вражеские траншеи превращались в мелкие, по колено засыпанные землёй канавы, а в чудом уцелевших блиндажах лежали мёртвые солдаты без следов ранений. Давление воздуха было такое, что смерть брала от разрыва снарядов и удушья... (Всхлип...) Несколько ранений: в руку, ногу, контузии. До Берлина не дошёл, войну закончил под Прагой и в сорок шестом демобилизован. За мужество и героизм — вот Герой Советского Союза, орден Ленина и «Золотая звезда», видите? (Всхлип...) Затем работал в Тушино на швейной фабрике «Победа», где они с бабушкой и познакомились — та трикотаж шила, затем в Королёве токарем на заводе... Когда мама родилась, они уже жили в Москве, всё у нас хорошо было... (Всхлип...) Бабушка ещё в две тысячи седьмом умерла, диабет второго типа, тут мало чего сделать можно, а он... Ну вот как это возможно? Когда

мы последний раз навещали, перед Новым годом, бодр и счастлив был, даже без костыля нас встретил. Никогда в жизни ничем не болел, даже не кашлял. И вот так... Заглянула, говорит, «поболтать на минутку»... (Всхлип...) Так что с интервью вы опоздали. А кто, если не она? Дедушка из квартиры лет двадцать никуда не выходит, а та ему то лекарства занесёт, то продукты, то останется чего приготовить. Конечно, через стенку живёт, помогала нам очень, мы хорошо общались, но ведь не просто так ограничения вводятся, верно? Есть специальные службы, там только здоровые работают — хочешь помочь — ну разберись, вызови. Мы, родня, приехать боимся — куда ж ты, непривитая, лезешь?.. Наверное, в наше время катастрофу серьёзнее представить невозможно. (Всхлип, глубокий вдох-выдох...) Я так не оставлю, как только из Коммунарки вернётся — по судам затаскаю.

***

— ... ну, неделя уж или около. Та откуда, если не из новостей?

— Быть не может, чтоб про девятую квартиру не слышал — и наш район, и соседский на уши поставлен. До сих пор едут всякие НТВшники, ещё кто-то с такими вот здоровенными камерами — задолбали подъезд терроризировать. На кой тебе Валера?

— Хорош заливать — интервью с Валерой. Он что, Максим Галкин?

— Какие у него знакомые! Алкаши подмагазинные.

— Жена есть, та она не лучше — не пьянь, конечно, но баба будь здоров скандальная. От таких любому нормальному мужику держаться подальше советую. Малютку больше всех жалко, года четыре-пять девочке, я её регулярно вот тут на пролётах ловил, то и дело в подъезд

хотела выскочить. Стоит в майке, шортиках, с медведиком под мыхой, чудно́ так озирается, глазки васильковые. И заводить её обратно в этот ад не хочется. А что делать — себе не оставишь, это ж не собачка.

— Та вызывали, конечно! Приходили, грозились отобрать не раз, а потом как-то тихо-мирно устаканивалось... Пока этот вновь не срывался. Не знаю, как те знакомые, через которых ты на него вышел, но сам мрак конченный, этот Валера.

— Выпивоха, должник, попрошайка, дебошир, баламут и нехороший человек — я его на углу продуктового, где алкаши мелочь просят, в последнее время чаще, чем с женой, видел. Деньги ему занять — как в бездну плюнуть, а захочешь вернуть — так он ещё и наорёт. До карантина Валера получше был, работал то ли дальнебоем, то ли на перевозках, хотя б не каждый день заливался, а как всех отдыхать отправили — Валера (щелчок по шее) со всеми вытекающими. Больше всего страдала жена, только та сама в долгу не оставалась: за стенкой визжала так, что у меня в шкафу рюмки звенели. А у нас, как видишь, хоть подъезд не новый, но перегородки всё-таки не абы из гипсокартона. Каждый день концерты в девятой. КАЖДЫЙ, понимаешь? Бывало, лежу вечером, и откуда-то сбоку начинается: бу-бу-бу, бу-бу-бу, а ему летят. Вдруг — день тишина, второй. Уж подумал, бухать закончили, примирились. И как налетело сюда человек десять СОБРовцев с касками и автоматами... Что ты-ы-ы... Выломали дверь, кафель в пролёте побили, я на шум к глазку подбежал, вижу — скрученного Валеру уводят. Тут же показали Людка с Кириллом из третьей, гомон подняли: мол, дети спят, туда-сюда, а я их слушал и думал: «Та идиоты! Радуйтесь, что не к вам!» Как космонавты Валеру забрали, сразу жильцы повыскакивали: «Что случилось, что случилось? Как так можно, где ребёнок?» Толпятся

без масок. Галдёж подняли. Слюной брызжут. Всё в порядке, соблюдаем изоляцию! А потом всё это всплыло... Боже мой. Три человека с нашего подъезда съехало, как репортаж вышел.

— Раз не видел — рассказываю со слов следователя. Значит, на шестой или седьмой день карантина поругались они со своей жёнкой, все как обычно, это я сам слышал. Она ему готовить перестала, потому что тот только пьёт и ни черта не делает. Валера же возмутился, что ребёнок, а заодно и он мяса неделю не видели. Поорали, утихли. Всё как обычно. Наутро — это там, в передаче реконструкция — просыпается Валера от запаха жареного лука. Надевает тапочки, идёт на кухню, жена у мясорубки всхлипывает, но чего-то в тазу месит. Ну, Валера муж великодушный, еду увидел — сразу её простил. Подошёл. Обнял, мол, рад, что послушала, исправилась. Она ему, значит, тарелку с котлетами поставила, слёзы от лука отёрла — и дальше готовить. У Валеры душа не нарадуется, грит: «Щас пойду дочку будить», потянулся за молоком в холодильник — а на полке отрезанные ручки, ножки и голова на блюде. Нет, ты погоди. Валера, естественно, в ауте, а жена стоит к нему спиной, плачет, мясо крутит. Он ком в горле проглотил, попробовал котлеты в окно выбросить, а у них там защита москитная, за чем-то стал их через сетку продавливать, и жена это увидела, как с воплем кинется, а Валера, к слову, сто десять килограмм — та ей одного разворота с плеча хватило.

— Ну что «что»? Проплакал весь день, завернул тело в пакеты, взял рожки да ножки и пошёл ночью всё это в реке топить. Вот так мужика с подозрительным грузом на плече по камерам и отловили. Что значит «ерунда», сдурел? Ты передачу видел? Поищи повтор на компьютере: «Особо опасен: каннибал по незнанке», а уже потом добро пожаловать, покумекаем.

— ... согласитесь ведь, да? Бывает у каждого человека: что-то уходит, и этого уже никак не вернуть. Хочется, да, если не полностью, если даже не какую-то большую часть, то хотя бы песчинку — песчинку! — забрать из того времени, самого лучшего момента в жизни. Ведь когда заканчивается это хорошее и жизнь идёт дальше, то сначала ты остро разлуку с самым лучшим переживаешь, голова ещё там остаётся, имею в виду мысли, а тело уносят вперёд всякие события, дела, работа. И потом перестаёшь об этом так много думать, но не забываешь, просто живёшь с грустью: как же хорошо всё-таки было! А ещё больнее, когда понимаешь, что уже в тот момент осознал свою радость и дорожил ей, и это не просто ностальгия по прошлому, а настоящая скорбь, как по умершему, — тьфу, тьфу, тьфу. Но и скорбь утихает, лишь иногда налетит ветер воспоминаний на потухший уголёк, а он вдруг в костёр разожжётся. Редкое такое, но случается. На данный момент у меня не так. Сейчас мне проще. Я уже смирился, всё это дело отпустил, да, иногда бывает, воспоминания возвращаются, захлёстывают, так сказать, но сейчас могу говорить с вами совершенно спокойно. Тяжёлого периода уже давно нет, слава богу. Тьфу, тьфу, тьфу. Вы же понимаете, о чём я? Наверняка испытывали то же самое, так что для вас это никакая не новость. То, о чём вы хотите поговорить, — очень личное. Так сказать, мой секрет. Самое лучшее, самое важное открыть вам хочу. Никому никогда не рассказывал. Абсолютно никто об этом не знает. Но сейчас, когда всё это закончилось, я чувствую, что могу вам рассказать. Даже хочу, а вы хотите узнать ведь, да? То есть сколько прошло с... Почти одиннадцать месяцев, если пару дней докинуть, — 12 мая официально всех погнали на работу. Если грубо

округлить, то почти год мне понадобился, чтобы переварить и отпустить. Отовсюду слышу: мол, эпидемия погубила несколько десятков тысяч, ещё больше страдает от последствий, сколько семей разбито — не сосчитать, с прививками этими муть какая-то. Люди не знают, куда им приткнуться. А для меня это время стало самым радостным в жизни. Вот именно за карантин я осознал, что на самом деле раньше счастлив не был, — теперь мне есть с чем сравнивать. И вот чувствую — опять захлёстывает, надо попробовать выговориться. Я ведь понимаю, что меня из друзей или близких никто не поймёт, скажут, мол, окончательно свистанула фляга, и вообще со мной общаться перестанут. Вас я не знаю, но главное — могу наконец поделиться тем, что из меня лезет, а кто чего из незнакомых про меня там скажет, и не думаю вовсе. Вообще, я привык всё в себе держать и с каждым другом чем-то одним делиться, но никогда что попало из себя не вываливал. С чего бы начать... Свою работу я не люблю, хотя она меня и воспитала. Учёба, если честно, тоже далась со скрипом — кое-как окончил политех на автослесаря, только чтоб бабушку не расстраивать. Она же через знакомую устроила меня в автосервис «Добро и авто»: ремонт ходовой, тормозов ДВС, ГРМ, шиномонтаж... Шесть дней по двенадцать часов за смену «гайку крутил», помещение хоть и новое, но шумное ужасно — я всегда с музыкой в ушах работал, плюс краской так несло, что ближе к вечеру тошнить начинало и глаза слезились. Прихожу домой — часто даже есть не хочется, сил только помыться, одежду скинуть и — в постель. Как началась эпидемия, наш автосервис закрыли. Рассчитали как положено, я тогда ещё отпускные получил и отправился отдыхать с чистой совестью. Первые дни вообще не находил себе места: посмотрел все ролики на «Ютубе», в «Танки» наигрался, любимой музыки накачал — дела

закончились. Начал статистику по ковиду смотреть, аж глаза на лоб полезли. Всё, думаю, отсюда нам больше не выйти, тьфу, тьфу, тьфу. Прямо страшно стало дни закончить в этой бетонной коробке. Только представьте: вы понимаете, что никогда не выйдете из дома, воздуха свежего не почувствуете. Чего вам захочется? Ну конечно, поскорее на улице оказаться. Ходить сколько и куда угодно — какая это, оказывается, ценность! И я в окно выглянул, а там пустынные дороги, обмотанная ленточкой площадка, блестящие ряды машин... Мне так уныло сделалось. Сидим все по камерам, увядаем потихоньку, тухнем. Последние остатки сил куда-то разлетелись. Включил я телевизор, лёг на кровать и не то чтобы заснул — очень крепко задумался. А на фоне играли музыкальные клипы. Тут слышу... Женский голос. Такой солнечный, звонкий... Сладкий-пресладкий. Звучит как из рая, всё ближе и ближе, слух и душу улаживает. Я английского особо не знаю, но песня словно ко мне обращалась, что да, хоть дела не очень, но рано или поздно всё наладится, и даже такой жизнь прекрасна, ведь свет внутри тебя, а не снаружи... Знаете, точно ангел спустился меня успокоить. Нет, я не могу. Раз говорить начал, как всё есть выложу. Это была песня Кэти Пэрри — вот я сказал. Ну и что? Да, поп-певица, может быть, не самая известная, как Бритни Спирс или Кристина Агилера, но ведь вы тоже про неё слышали краем уха? Вдруг такое воодушевление накатило, сидеть взаперти прямо совсем неволею стало. Я тут же встрепенулся, скачал альбом с этой песней, взял наушники и пошёл гулять. Да. Просто открыл дверь, спустился во двор. У меня были подозрения, что рядом с дорогой ездит патруль, смотрит, чтобы все дома сидели, и я направился в глубь новостроек, куда хожу очень редко. Обогнул несколько домов, школу, магазин закрытый — вокруг ни души. Иду окрылённый, музыку слушаю,

пря́м на друго́й плане́те оказа́лся. И тут ви́жу: дво́р ка́кой-то необы́чный. А че́го в нем тако́го — пони́ять не могу́. Ну пони́вился мне че́м-то! Тако́й скры́тый в дере́вьях небольшо́й дво́рик с пере́кладиной, качеля́ми... и кару́селью. Обы́чная тако́я, кругла́я, с пласти́ковыми сиду́шками. За́лез я на эту кару́сель, как раз в тот мо́мент заигра́ла та са́мая песня́, нача́л крути́ться... И с того́ дня ве́сь карантин я провё́л в том са́мом дво́ру, на это́й кару́сели. Оди́н. Слу́шая му́зыку. Абсолю́тно не ду́мая о том, что ме́ня кто-то уви́дит. Знаете́, про некото́рых лю́дей гово́рят, что они по-осо́бому чу́вствуют эне́ргетику че́ловека или ме́ста. Вот, бывае́т, напри́мер, находи́шься в чу́жой ква́ртире, и те́бе хоро́шо, пра́м вну́треннее ра́вновесие испы́тывае́шь — комфо́ртно как у се́бя до́ма. До́ма то́же эне́ргетика мо́жет отли́чаться: мне на ку́хне си́деть воо́бще не нра́вится, а из ко́мнаты фи́г куда вы́гони́шь. Или вот я прихо́жу на ра́боту, в оди́ном це́ху спо́койно — пу́сть там ви́зжит ци́ркуля́рка или кра́ской во́няет, но пра́м си́лы на ра́боту по́являются, а из друго́го, где в́роде как ти́хо, наобо́рот, сбеха́ть по́скорее о́хота. Дво́р возле́ наше́го до́ма мне со́вершенно не нра́вится, че́рез него́ е́щё лю́ди по́стоянно хо́дят, а вот это́ ме́сто... Я как се́л на кару́сель, сразу́ тако́й во́сторг — не пони́ю, что́бы что-то подо́бное со мно́й случало́сь. До си́х пор пони́ять не могу́: то ли дво́р по́строен по схе́ме тако́й, то ли распо́ложен в опе́реде́лённом ме́сте, мо́жет, там ма́гнитное по́ле Зе́мли хоро́шее, спо́койное. Я гово́рю: как ту́да за́брёл — ве́сь. Ка́ждый де́нь ту́да прихо́дил ката́ться на кару́сели ча́са по три, а то и бо́льше, слу́шал му́зыку и ка́ждый раз ста́вил Ке́ти Пе́рри. Это́ ста́ло мое́й тра́дицией. Ино́гда её вклю́чал, ко́гда то́лько подо́ходил к кару́сели, в друго́й раз — в са́мом ко́нце, до́мой со́бираясь, а поро́й слу́шал, пока́ по пло́щадке гу́лял, — не́льзя ж сто́лько ча́сов то́лько ката́ться, так с ума́ со́йти мо́жно. И вот са́ма Ке́ти Пе́рри... Мне хо́ть её

песни очень зашли, но в саму девушку влюблён не был. Да, она мне очень нравится, глаза у неё такие большие, круглые, мимика живая, внешне она, конечно, стройная красавица, и неудивительно, что у неё муж, ребёнок... Знаете, наверное, можно сказать: я в неё всё-таки влюблён немножко. Но особых чувств никогда не питал, говорю сразу. И всё это в моменте друг на друга наложилось: карусель, песни, Кэти Перри. Я не могу даже сам себе объяснить: как, почему, ну что такого особенного? Может, коронавирусом незаметно переболел, это он мне мозги испортил? Ну вот так как-то, не знаю. Март, апрель, май — я был там почти каждый день, никто ко мне не подходил, и сам за это время ни одного человека не видел. Тут сняли карантин — всё как по щелчку закончилось. Я ещё накануне первого рабочего дня решил: после работы обязательно вернусь во двор, хотя бы полчаса покатаюсь. Из сервиса побежал в соседний район, подхожу к своему месту, и тут сердце вниз ухает: слышу детский смех и крики. Дальше можно было не идти, но я всё равно дошёл до площадки, а там болтают мамы и дети мою карусель раскручивают. Я понял, что теперь всё будет по-другому. Это больше не моё место, теперь здесь всегда кто-то будет сидеть или кататься. Так этот двор навсегда и покинул. С того момента, как я перестал ходить на карусель, начались косяки на работе, ухудшилось здоровье и вообще какой-то упадок сил развился — тьфу, тьфу, тьфу, — хотя эпидемия, как принято считать, закончилась. О чём и говорю: теперь такое хорошее никогда у меня не повторится. Вот что это? Совпадение или просто один период другим сменился? В общем, карантин я провёл замечательно, три лучших месяца в моей жизни. За тридцать два года такого счастья не испытывал.

— Конечно, вы ж тут за этим. Начнём?

— Вернулся, как грится, совершенно другим человеком: голова от планов прям взрывается. Вот как раз на карантине меня и осенило. Наконец-то понял, во что хочу вложить душу и чем заниматься.

— Там целая эпопея. Как самый удачливый человек, переболел на курорте короной, а рейсы на хрен отменили. Так я торчал за свой счёт ещё десять дней, только в другом отеле. Не мог больше свою камеру видеть, где и так безвылазно просидел две недели. Отдельная песня, как я пытался заполнить анкету, чтоб попасть в списки на вывоз. Потребовался СНИЛС, который я, разумеется, не помню — кто ж его таскает за границей? Мало того, мне был нужен российский телефон, чтобы подтвердить код из СМС, а мой номер в роуминге не алё. С посольством связался тоже не сразу. Короче, такое ощущение, что всё специально усложнили, чтоб нечего было расхлёбывать. Меньше заявок — меньше работы, капиш? Ну сделайте регистрацию для беделог через номер паспорта и электронный ящик, зачем мозги пудрить? А то замкнутый круг какой-то: рейсы с нашими билетами отменили, без СНИЛС и СМС по российскому номеру зарегистрироваться на борт МЧС — никак. «Идиотизм и безобразия», — если процитировать отца за матчами нашей сборной.

— Дык раз я перед вами — конечно ж, свинтил благополучно. Правда, не сразу — билет успел впритык взять. Но вообще ковиду во многом спасибо, мне кажется, эта штука на самом деле способна... как бы правильно... расширить сознание, что ли. Надо успеть этим воспользоваться.

— В Турцию я прилетел, дай бог памяти... Тогда всё вокруг предостережениями пестрело. В общем, где-то в начале марта уже заехал в отель.

— Измир, один из крупнейших портов Стамбула. Вообще я хотел в Анталию или Аланью, но эти туристы, козлы, всё там позабивали. А в Измире тоже неплохо: солнце, Эгейское море, колоритные развалины. То что надо. После родимой слякоти любая пальма курортом кажется.

— Я вас умоляю тоже — командировка. Вообще у меня бизнес намечался, тату-салон свой, повезло бизнес-план на конкурс двинуть, а как эта шляпа началась — бог дал, бог взял, как говорится. Но! После закупки машинок, кресел и всякого барахла ещё оставались какие-то бабки, на часть из которых решил изолироваться. Хрен их знает, когда мной опять займутся, а деньги уже на руках — их как, прикажете держать под матрасом? Ну?

— Ерунды не болтайте. Они в своих бумажках пусть разберутся сначала, а потом уж ко мне стучатся. Короче, заселился в четыре звезды, почти первая линия, балкон с видом на море. Телек во всю стенку, стиралка, минибар — сервис я манал. Чисто, светло, дорого-богато. В соседнем корпусе бассейн, рядом дискач, «туц-туц-туц», внизу — шведский стол, «ол инклюдед», ёпта. Да не то чтоб я туда телек смотреть приехал, всё равно большую часть времени снаружи тусовался. Первые дни вообще не вылезал с пляжа, даже в дождь плавал. В номер разве что, простите, поспать бегал. Кстати, хоть народу не так много, но то и дело услышишь обрывок родного матерного.

— Всё это уже было, когда прилетел: маски, антиковидные плакаты, охранка. И соблюдают строго — все турки прям в масках купаются, а кто без, тот наверняка СНГшный турист. Вот и я в маске был, держался от народа подальше, вроде и не подходил ни к кому — а не пронесло.

— Да я думаю, как раз перед отлётом где-то подцепил, вот оно доинкубировалось, сколько ему положено.

И повсюду этот контроль температуры, тесты, осмотры — что у нас, что у них! А толку, на хрен! В общем, уже на третий день прихожу с пляжа в отель — горло дерёт, причём ощутимо так. Подумал: «Бывает, перекупался». Там заметно похолодало ещё, решил лишний раз перебздеть дома. К вечеру меня прибило, колбасит мелко-мелко, на привычную простуду совсем не похоже. Короче, спустился я чая попить, а на мне, видно, уже всё написано: охранник с термометром сам подошёл, показывает, мол, выставляй запястье. Как эта хрень пропищала, у турка глаза навывкат, стал мне втирать на своём и погнал обратно в номер. Совсем охренели. Тут ещё пара таких же в форме выскочила, закричали так бойко и стрёмно, как на базаре. Забаррикадировали меня в номере, но перед этим вызвали врача — лысого и смуглого, как загоревшая коленка. Тот мне, значит, из ноздри и горла соскрёб взял, напоследок бросил: «Ю кэнт лив зис хотел рум он коранти» — и отчалил. У меня симптомов, кроме горла, никаких, даже температуры не чувствовал. Я аж поначалу возбухать начал, типа пересрали простой простуды.

— Ага, «поначалу» — той же ночью знатно так тряхнуло. Завернулся в два одеяла — не спасает. Крутит всего с головы до пят, руки ледяные, зубы друг на друге скачут. И какой-то жаркий бред в голове крутится. Сейчас уже не вспомню, что конкретно, но точно травы долбанул хорошей: глюки, обрывки песен, какие-то плывучие говорящие лица. Прямо как четыре года назад, когда мы на Алтай ездили, а там, значит, поля нетронутые...

— Давайте вернёмся. Короче, вот такой бэд-трип как из «На игле», который толком и не запомнил. Под утро очухался в луже пота, с раздутой головой и разлитым в теле свинцом. Так хреново даже на следующий день после выпускного не было. Тут без предупреждения ко мне ввалилась пара людей в защитных костюмах с экранами,

я уж подумал, в больничку переводят, но вдруг приметил набитые каким-то барахлом пакеты. Мне вручили бумажку на английском, подписав которую я согласился с самоизоляцией здесь на четырнадцать суток, начиная с сегодняшних, а также был ознакомлен, что отель берёт на себя какие-то там мои расходы. Ну а чё делать? Я быстро на каждой странице почиркал, а сам едва бормочу: «Медикалс, гив ми сам медикалс». Один наконец обратил внимание, вручил блистер с таблетками. «Тейк фо фри», — grit. Ну и ничего: померили ещё раз температуру, пакеты бросили и свинтили. Полез посмотреть, а в одном — мощное средство для стирки, гели для душа, несколько упаковок мыла, шампуня и зубных щёток, в другом куча жвачки: йогурты, джем, пуддинг, чай, кофе растворимый, шоколадное молоко, кексы — будто заказ в супермаркете сделал. Загуглил таблетки — и знаете что? Это оказался турецкий аналог парацетамола. Пришёл к выводу: лечить меня не собираются, может, не знают как, но на карантине содержать готовы. Значит, я тут нормально так застряну.

— В этом плане претензий нет: хавки каждый день столько приносили, что для йогуртов места в холодильнике не осталось. У меня в другом проблема: я, блин, не знаю, как лечиться! Попробовал выбить из врачей хоть что-то, но те либо от меня отшатывались, либо начинали на своём тарабарить. А чувствую: жар никак не спадает.

— Пробовал. Сразу начал смотреть в интернете, типа, что делать туристам, заболевшим ковидом. А там проскочила новость: рейсы в Россию из Турции в ближайшее время отменяются. Куда, чего, насколько — не пишут. Я, конечно, напрягся, но потом вспомнил, что мне б самому ожить для начала и только потом о возвращении думать. Так сказать, решать проблемы по мере их поступления.

— Где-то за первые пять дней я уже извёлся. Как на зло, ещё кондей накрыл: вроде шумит, но еле-еле охлаждает. А у меня ещё сторона солнечная, хотел выйти пожаловаться — так от меня все швейцары врассыпную. Представляете, пол-этажа ленточками оцеплено, на моём номере висит жёлтая плашка: «Биохазард». Вот как понять этих турков? Едой-водой обеспечили, но чего другого хрен допросишься. Стал орать: «Клима! Кондишн нот воркниг! Вери хат!» Всем пофиг. Ну я окна занавесил, телек врубил фоном, лежу температуру. Нормально, только скучно.

— Провалился я прилично. Слушал турецкие каналы, дремал и листал в телефоне новости. Удивительно: может, такие йогурты с вакциной в Турции или кексы с антителами, но сперва каждый день мне становилось всё лучше. Наконец одним утром проснулся — вроде совсем отпустило. Ну и решил: застрял на курорте — проведи время с пользой. Взял из минибара кое-чего, выперся с креслом на балкон, море слушаю, загораю. КАЕФ. Лучшего занятия в неволе, казалось, не придумать. Не вылезал я с балкона день или два, чувствовал себя превосходно... Пока не обгорел на хрен. Ночью всю эту Турцию проклял. Лежать мог только на спине, чуть двинусь — сразу в адский котёл. Сварился за пару дней так отменно. Хорошо, у меня запас йогуртов в холодильнике: обмазался, всю постель изгваздал, но ничего, полегчало. И где-то под утро, когда пришли эти «учёные» в халатах, — опять заскребло в горле, накатила кашель, подскочила температура — короче, снова-здоровая.

— Чем они помогут? Оставили еду, что-то там поместили — и умотали. Я номер оглядел... Всё поперёк горла: эта кровать долбаная, телевизор, дырявые пакеты рядом с дверью — тоска невыносимая. Тут начал шелушиться и чесаться — вся кровать стала в белых хлопьях, а из

окна, как назло, солнце номер заливаает, прибор слышен, девчонки визжат... Как говорил мой дед, царство ему небесное, когда не мог с дивана подняться: обрыдло. Ну вот так незаметно от скуки начал себя обдирать.

— В прямом. Берёшься за край слезающей кожи и тянешь — это как снимать плёнку с новенького моника. В температуре чересчур залипательно: похоже на ковыряние в носу или выдавливание прыща за прыщом. За этим делом будто в транс впадал: сперва с предплечий кожуру стянул, затем с кистей, дошёл до шеи... Появился челендж: содрать кусок побольше. А это совсем не просто — вы ж понимаете: кожная плёнка тонкая, её надо едва-едва натягивать, чтоб не прилипала, и плавным таким обратным движением отрывать помаленьку. Честно: ничем более увлекательным я давно не занимался. Мне даже было жалко от таких больших кусков избавляться, так что я стал их аккуратно складывать на тумбочку, а чтоб не улетели, придавил телефоном с зарядкой.

— Ни горло не болело, ни жара не чувствовал. Вдруг появилась мысль попробовать на вкус. Ну, пожевать кусочек. И знаете...

— Без подробностей: мне понравилось. Вкус напомнил то ли полосатика, то ли кольца кальмаров... И тут у меня возникла другая идея. Массовое производство. Что, если на самом деле наладить выпуск такой закуски? Ну, то есть, конечно, патент выработать, ГОСТ, все дела — обязательно чтоб тела мытые, здоровые, с отметками прививок: корь, гепатит, дифтерия. Никаких веганов. Собрать этих здоровых людей на курорте в Анапе или Сочи, производство всё-таки должно быть отечественное. Питание здоровое, трёхразовое, как в санаториях, потом согнать всем скопом на пляж, там — купание и загар до позднего вечера. А потом в какой-нибудь день они собираются, их штабелями укладывают на живот,

и специалисты начинают снимать со сгоревших спин целые клеёнки загара.

— Откуда такая токсичность? То есть лягушачьи ноги, летучих мышей или тараканов жрать можно, но вот кусочки слезшего загара — не-е-е? Понятно, эта кожа — тонкая и рвущаяся, как позолота, и даже если её содрать много, то никакого толка не будет. Поэтому аккуратно складываем такой кусок несколько раз — оп, толщина увеличивается. Далее высушиваем ломоть, солим, перчим — и всё, готово на упаковку. Я вам говорю: это пойдёт не только как отменная вкуснятина к любому лагеру или портеру, но и просто так, вместо перекуса. Чтоб поначалу не шокировать общественность, товар можно рекламировать под видом «экзотичной закуски», пока потребитель не распробует. Это то, что в будущем заменит пресные сухари или вредные чипсы. И название какое-нибудь звучное, вроде «Снэк-тэн», ну, тут ещё подумать. Знаете, в перспективе можно класть в упаковку фотомagnиты с героями мультфильмов или комиксов — дети будут в восторге. Или к загару афроамериканцев добавить вкус копчёностей. Или выпустить экстраограниченную линейку с частей тела каких-нибудь селебрити. Острый снэк-тэн рёбер Ивлеевой. Вяленые «ушки» Крида. Солёные ляхи Кищук. А уж сколько с одной рекламы отбить можно... Согласитесь: жила стопудовая. Горящая идея проекта, которую все ищут, взяла и сама пришла мне в голову вот так нахаляву, пока я лежал взаперти с горячкой. А главное — вполне осуществимо. Всё заранее прикинул, подробно расписал и до сих пор только об этом думаю.

***

«Деньб добрый! Перерезвонить немог пишу смс. Извиняюсь за позднее время отвечаюлишь сейчас. Да вы

правильно вышли я один из участников прошолгодней статьи риа о вылечившихся от ковид а.Впринципе там все написано ия бы вам ненаписал еслиб не поверите сно-ва заболел.4дня назад поступил в нии склифосовского с потерей обоняниич несбиаемой температурой под 40 и низкой сатурцией.Первый раз несарвнимо легчебыло. Бригада Забарла из дома все жильцов перепугали.Лежу один.Сперва каошлил чуть не до крови сейчас лежу под пред ИВЛ это когда без интбации легеких.Намного лучше толко маска лицо жо синяков давитт.Сейчас решается вопрос о переливани плазмы переболевшего коронааи-румом.Давайте так.Увидимся как меня выпишуть всев вдух слова не напишу потом пордробно в реацнимации неудобно.Будем на свящи.Суважнением

Плександр»

Был(а) в сети более трёх месяцев назад.